

Пластинчатые нарукавья-харабчи XIV – середины XV в. из Шушенского района Красноярского края

Л. А. Бобров¹, Ю. А. Филиппович²

^{1,2} Новосибирский государственный университет

Аннотация

В статье рассмотрены предметы защитного вооружения, происходящие из числа случайных находок с территории Шушенского района Красноярского края. В ходе проведенного исследования было установлено, что они представляют собой фрагмент корпусного панциря с пластинчатого-клепаной структурой бронирования и сегментные пластинчатые нарукавья (монг. харабчи). Последние состоят из двух больших кованых наплечников и двух сегментных лопастей по шесть пластин каждая. В собранном виде нарукавья прикрывали руку воина от плеча до локтя. Часть пластин панциря и нарукавий снабжены отверстиями для пришива-ния. Позднее доспех был пересобран, а нашивная система крепления заменена на технологически более совершенную – заклепочную. Судя по расположению заклепок, нарукавья крепились на три продольных кожаных ремня, проходивших от наплечника до последней пластины ламинарной лопасти. На основании особенностей конструкции и системы оформления защитное вооружение из Шушенского района Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. Самые ранние пластины набора, возможно, были изготовлены еще в XIII в. Владельцем доспеха, вероятно, являлся состоятельный воин из числа монголов, ойратов или енисейских кыргызов. Высокая научная ценность находки обусловлена тем фактом, что это самые ранние известные на сегодняшний день образцы центральноазиатских нарукавий-харабчи. В последней трети XIV – XVII вв. нарукавья подобной конструкции получили распространение на мусульманском Востоке, в минском Китае, государстве Хоу-Цзинь, Цинской империи, Монголии, Ойратии и Южной Сибири.

Ключевые слова

Монгольское время, енисейские кыргызы, защитное вооружение, панцирные нарукавья, харабчи.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Бобров Л. А., Филиппович Ю. А. Пластинчатые нарукавья-харабчи XIV– середины XV в. из Шушенского района Красноярского края // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 99–120.
DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120

Plate bracers kharabchi of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region

L. A. Bobrov¹, Yu.A. Filippovich²

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with pieces of protective armor, originating from occasional findings from the territory of the Shushensky district of the Krasnoyarsk Region. The research led us to understand that these findings are a fragment of a body armor with a lamellar-riveted armor structure and segmented lamellar bracer-sleeves (Mong. kharabchi). The sleeves consist of two large forged pauldrons and two segments assembled of six plates each. When assembled, the sleeves covered the warrior's arm from shoulder to elbow. Part of the plates of the body armor and sleeves have the holes for sewing. Later, the armor was reassembled, and the sewn-on fastening system was replaced with riveted system which is much more technologically advanced. Judging by the location of the rivets, the sleeves were attached to three longitudinal leather straps that ran from the pauldron to the last plate of the laminar segment. The features of the construction and design allow to date this protective armor from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Region to the 14th – the middle of the 14th centuries. The earliest plates of the set could have been made as early as the 13th century. The owner of the armor was probably a wealthy warrior from among the Mongols, Oirats or Yenisei Kyrgyz. The findings have the high scientific value due to the fact that they are the earliest known examples of Central Asian kharabchi sleeves known to date. In the last third of the 14th – 17th centuries this type of sleeves became widespread in the Muslim East, in the Chinese Ming empire, the state of Later Jin, the Chinese Qing Empire, Mongolia, Oiratia and South Siberia.

Keywords

Mongol period, Yenisei Kyrgyz, protective armor, bracers (sleeves), kharabchi.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Bobrov L. A., Filippovich Yu.A. Plate bracers kharabchi of 14th – mid 15th centuries from the Shushensky district of Krasnoyarsk region // *Universum Humanitarium*. 2023. № 1. P. 99-120.

DOI 10.25205/2499-9997-2023-1-99-120

Введение

Исторический период, охватывающий XIII–XV вв., стал важным этапом эволюции комплекса защитного вооружения кочевников Евразии. Именно в это время сформировались наиболее технологически совершенные виды и типы боевых наголовий, корпусных панцирей и защиты конечностей, которые сохраняются в *паноплии* воинов Великой степи и их соседей вплоть до Нового времени¹.

Доспехи номадов эпохи Великих монгольских завоеваний, Монгольской империи и государств Чингизидов неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных специалистов. Однако указанная проблематика была исследована весьма неравномерно. Наибольший интерес археологов и оружейников традиционно вызывали боевые наголовья и корпусные панцири, в то время как щиты, панцирные усилители и защита конечностей были изучены в значительно меньшей степени. В тех же случаях, когда речь заходила о защите рук монгольских и южносибирских воинов, объектом научного исследования обычно становились различные типы наплечников и створчатых наручей. Достаточно широкое распространение данных защитных элементов среди позднесредневековых латников региона не вызывает сомнений. Однако наплечники и наручи не были единственной формой защиты рук состоятельных воинов Центральной Азии и Южной Сибири. Длительное время с ними соседствовали и небезуспешно конкурировали сегментные пластинчатые нарукавья (монг. *харабчи*, кит. *бифу*, *бишоу*).

Особо оговорим, что здесь и далее под нарукавьем мы понимаем особую разновидность пластинчатой защиты верхних конечностей, состоящую из кованого наплечника и сегментной ламинарной лопасти (с ременным или клепано-ременным соединением), прикрывающей руку воина до локтя² или до кисти. В некоторых случаях защитная лопасть не имела отдельного выделенного наплечника и крепилась непосредственно к корпусному панцирю. В отличие от обычных ламинарных и комбинированных (ламеллярно-ламинарных) наплечников центрально- и восточноазиатского образца на-

¹ Среди оружейных новинок данного периода можно отметить пластинчато-клепаные и кольчато-пластинчатые доспехи, новые разновидности цельнокованых шлемов (в том числе с подвижными наносниками-стрелками), боевые наголовья с обычными и «коробчатыми» козырьками, мисюрки, створчатые наручи с кольчато-ременным соединением, нарукавья с клепано-ременным соединением, кольчато-пластинчатые набедренники и др.

² Самые короткие варианты нарукавий могли прикрывать лишь верхнюю часть бицепса и трицепса.

рукавья не являлись частью корпусного панциря и могли носиться с различными видами доспеха³. В целом они отличались меньшими размерами и большим изгибом составляющих их деталей, что обеспечивало всей конструкции необходимую компактность и эластичность. Кроме того, элементы нарукавий часто не связывались между собой ремешками (как на ранних образцах ламинарной брони), а наклепывались на продольные кожаные ремни, что обеспечивало функциональную эффективность, надежность и относительную технологическую простоту изделия⁴.

В настоящее время нам известно о десяти пластинчатых нарукавьях и их фрагментах, которые происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири и могут быть датированы периодами развитого и позднего Средневековья⁵. Вероятно, одни из самых ранних образцов подобных нарукавий были обнаружены в 2015 г. на территории Шушенского р-на Красноярского края⁶. Вместе с нарукавьями были найдены несколько десятков панцирных пластин (рис. 1; 2; 3, 1–7). Точное место и обстоятельства находки, к сожалению, не установлены.

Указанные образцы защитного вооружения ранее не публиковались и не становились объектом научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о нарукавьях и панцирных пластинах из Шушенского района Красноярского края. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции и системы оформления указанных защитных элементов, уточнить их датировку и атрибуцию.

³ Сегментные нарукавья могли дополнять корпусные панцири с пластинчато-ременной, пластинчато-нашивной, пластинчато-клепаной и даже кольчатой и кольчатопластинчатой структурой бронирования.

⁴ По схожему пути пошли и европейские мастера XV–XVII вв. Однако западные аналоги были, как правило, заметно короче азиатских нарукавий, так как в большинстве случаев дополнялись массивными налокотниками, защитой предплечья и кисти.

⁵ К ним примыкают наплечные пластины, найденные на Абаканском железном руднике (Абаза), однако их принадлежность к нарукавьям является предметом дискуссии.

⁶ Иногда к нарукавьям также относят ламинарные пластины из погребения в местности Бек-Бике на восточном берегу оз. Сарайдин, в 7 км от с. Джангала (Западный Казахстан). К сожалению, указанные части доспеха сохранились фрагментарно. Кроме того, каждый из двух защитных элементов состоял лишь из трех пластин, то есть прикрывал только плечи воина. Таким образом, он скорее выполнял функции наплечника и, возможно, усиленных наплечных лямок, а не нарукавья [Горелик, 2002. С. 70. Рис. 15; Коровкин, 2003. С. 51. Рис. 3, 4, 5, 7, с. 52, 53, Коровкин, 2005. С. 238, 239].

Рис. 1. Нарукавья и панцирные пластины из Шушенского района Красноярского края: 1 – общий вид; 2, 3 – нарукавья; 4–6 – наплечник (4 – сечение, 5 – вид сверху и снизу, 6 – вид сбоку); 7–12 – пластины нарукавья

Fig. 1. Plate bracers and armor plates from the Shushensky district of Krasnoyarsk region: 1 – general view; 2, 3 – armbraces; 4–6 – shoulder pad (4 – section, 5 – top and bottom view, 6 – side view); 7–12 – armbracer plates

Нарукавья состоят из 14 отдельных деталей – пары массивных цельнокованых наплечников и 12 изогнутых пластин различных размеров (по шесть пластин на каждую лопасть соответственно) (рис. 1, 1–3; 3, 1–7). Как наплечники, так и пластины снабжены сквозными отверстиями, а также заклепками для крепления кожаных ремней. Вместе с нарукавьями были найдены 48 панцирных пластин от доспеха с пластинчато-клепаной структурой бронирования (рис. 1, 1; 2)⁷. Судя по количеству, размерам и форме пластин составленный из них защитный элемент мог представлять собой фрагмент корпусного панциря – нагрудник, наспинник или, менее вероятно, набедренники. В то же время мы не исключаем вариант, что в Шушенском районе был найден так называемый «оружейный клад». В последнем случае в тайник мог быть помещен разобранный доспех, в котором пластины не были приклепаны к органической основе панциря, а собраны в так называемые «пачки» или «колоды» по несколько десятков пластин в каждой. Подобная практика «оружейных кладов» имела известное распространение на территории Южной Сибири в периоды развитого и позднего Средневековья.

Панцирные нарукавья

К большому сожалению, автор находки передал детали «шушенских» нарукавий в различные музейные и частные собрания Российской Федерации. По данной причине нам удалось детально изучить лишь один из наплечников (рис. 1, 4–6; 3, 1) и три разнотипных пластины, составляющих ламинарную лопасть (рис. 1, 7–12; 3, 2, 3, 7). Рассмотрим их более подробно.

Наплечник представляет собой кованую железную (стальную?) пластину, которая в продольной плоскости имеет трапециевидную форму (рис. 1, 4, 5; 3, 1). Длинные стороны – прямые, короткие – выпуклые (рис. 1, 4, 6). Верхний край наплечника по прямой – 12,5 см (по дуге 15,0 см), нижний – 10,8 см (по дуге 12,5 см). По причине того, что наплечник ассиметричен (деформирован?), одна из его боковых сторон длиннее другой. Расстояния между крайними отверстиями по двум сторонам наплечника составляют 12,5 и 14,5 см соответственно. Максимальное расстояние между нижним и верхним краем наплечника – 15 см. В поперечной плоскости изделие выгну-

⁷ Наличие парных сквозных отверстий на некоторых пластинах (рис. 2, 3, 7, 8) свидетельствует о том, что они первоначально предназначались для бронирования пластинчато-нашивного доспеха, однако позднее нашивная система крепления была заменена на заклепочную.

тое С-образное (максимальная высота – 3,8 см) (рис. 1, 4). Основная часть наплечника имеет толщину 1 мм, от центра к краям уменьшается до 0,8 мм. Вес 132 г.

Вдоль боковых сторон наплечника пробиты 18 сквозных отверстий (по 9 с каждой стороны). В пяти из них фиксируются заклепки с округлыми шляпками. Вдоль верхнего края пластины пробиты 13 отверстий, причем 12 сгруппированы по четыре в виде трех квадратов (рис. 1, 4, 5; 3, 1). В одно из центральных отверстий у края наплечника вставлена заклепка. У противоположного края наплечной пластины пробиты семь отверстий: парные отверстия расположены по бокам, три отверстия – по центру. Наконец, одиночная заклепка вбита в центральную часть наплечника. Судя по характерному расположению заклепок и позднейшим аналогам, можно предположить, что они служили для крепления длинных продольных ремней, соединявших наплечник и пластины нарукавья в единую сегментную лопасть. Поверхность наплечника несет следы коррозии, на длинных сторонах фиксируются сколы и трещины, свидетельствующие о длительной эксплуатации изделия.

Пластина №1 ламинарного нарукавника имеет удлиненно-трапезиевидную форму (рис. 1, 7, 8; 3, 2). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 11,3 см (по дуге 13,3), нижний – 11,1 см (по дуге около 13,0 см). Боковые стороны 4,8 и 5,0 см соответственно. Максимальная высота 3 см, толщина 1 мм. Вес 49 г. Вдоль верхнего (длинного) края пластины пробиты 12 отверстий, сгруппированных по четыре в виде трех квадратов. В одно из центральных отверстий у края пластины вставлена заклепка с округлой шляпкой. Вдоль боковых (коротких) сторон пластины пробиты по три отверстия. В центральные из них вставлены заклепки.

Пластина №2 ламинарного нарукавника имеет удлиненно-трапезиевидную форму (рис. 1, 9, 10; 3, 3). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 10,0 см (по дуге около 11,5), нижний – 9,5 см (по дуге около 11,3 см). Боковые стороны 4,7 и 4,6 см соответственно. Максимальная высота 2,4 см, толщина 1,2 мм. Вес 53 г. На поверхности пластины фиксируются три заклепки с округлыми шляпками. Две из них расположены у коротких сторон пластины, одна – у длинной. В связи с тем, что заклепки расположены на разных уровнях, они образуют треугольник с широким основанием. От большинства других пластин нарукавья

данный образец отличается отсутствием отверстий для пришивания. Не исключено, что данная пластина была добавлена в состав нарукавья позднее других. Возможно, это произошло в результате ремонта (модернизации?) нарукавья, в ходе которого поврежденные (?) пластины с отверстиями были заменены пластинами с заклепками (см. ниже).

Пластина №3 ламинарного нарукавника имеет удлиненно-трапециевидную форму (рис. 1, 11, 12; 3, 7). Боковые (короткие) стороны – прямые, длинные – выпуклые. Благодаря им пластина имеет С-образное поперечное сечение. Верхний край пластины – 8,1 см (по дуге около 9,0), нижний – 7,5 см (по дуге около 8,5 см). Боковые стороны 6,0 и 6,4 см соответственно. Максимальная высота 1,5 см, толщина 1 мм. Вес 35 г. Вдоль одного короткого края пластины пробиты одно одинарное и четыре парных отверстия, вдоль второго – три одинарных отверстия. Еще три отверстия проделаны в центральной части пластины. В четыре отверстия вставлены заклепки, образующие Y-образную фигуру (1, 11, 12; 3, 7). Стоит обратить внимание на то, что четыре отверстия, расположенные по длинным сторонам пластины, повреждены. Не исключено, что это произошло при пересборке нарукавья в рамках модернизации системы крепления, в ходе которой длинные края пластины были обрезаны, а нашивная система заменена на заклепочную.

Количество, размеры и оформление пластин позволяют предположить, что в собранном виде нарукавье представляло собой защитную лопасть, прикрывавшую руку воина от плеча до локтя. Пластины набирались снизу вверх или сверху вниз, незначительно перекрывая друг друга ⁸. В верхней части нарукавья размещались крупные пластины, а в нижней более мелкие. При этом каждая трапециевидная пластина располагалась таким образом, чтобы сверху оказывалась длинная сторона. Это приводило к тому, что нарукавье постепенно сужалось по направлению от наплечника к локтю.

Совокупный вес железных пластин одного «шушенского» нарукавья (без учета органических элементов конструкции) составлял около 0,42 кг, двух нарукавий – около 0,84 кг соответственно. Однако стоит учитывать, что в собранном виде нарукавья весили несколько больше за счет наличия кожаных соединительных ремней, матерчатой подкладки и др.

⁸ Предметная реконструкция из аутентичных материалов, возможно, позволит уточнить особенности размещения пластин в составе нарукавья.

Панцирные пластины

Набор панцирных пластин включает 48 экз. различных форм и размеров (рис. 1, 1; 2–10). Толщина пластин составляет от 0,7 до 1,5 мм. Вес одной пластины колеблется от 19 до 44 г. Совокупный вес панцирного элемента (без учета органической основы) 1,2–1,6 кг.

Пластины крепились к матерчатой основе с помощью железных заклепок с уплощенными шляпками диаметром 0,7–0,9 см. Под некоторыми разрушенными шляпками заклепок фиксируются следы тканевой основы доспеха. Судя по саржевому переплетению тонких нитей на отпечатках, органическая основа доспеха была покрыта тканью тонкой выработки (вероятно, шелком).

По материалу изготовления все пластины относятся к классу железных⁹, по системе соединения пластин к органической основе – к отделу пластинчато-клепаных с внутренним бронированием¹⁰, по сечению пластин – к группе гладких. На основании формы пластин выделяются два типа, дополненных рядом вариантов.

Тип 1. Прямоугольные гладкие пластины.

Вариант 1. Прямоугольные гладкие пластины с одной заклепкой. Основная разновидность пластин рассматриваемой серии (25 экз.).

Выделяются пластины с одной заклепкой (рис. 2, 1), пластины с одной заклепкой и одним мелким отверстием для пришивания (рис. 2, 2), пластины с одной заклепкой и двумя мелкими отверстиями для пришивания (рис. 1, 1) и пластина с шестью большими сквозными отверстиями (рис. 2, 3).

Первые три разновидности пластин (всего 22 экз.) имеют схожие размеры 4,8–5,5 × 5,2–6,2 см (рис. 2, 1, 2). Толщина 1,3–1,5 мм. Вес 25–40 г. Наиболее вероятно, что в составе панцирного набора они размещались горизонтально (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Назначение мелких одиночных отверстий достоверно не установлено. Они могли служить для дополнительного крепления (пришивания?) к органической основе. Однако не исключено, что в некоторых случаях указан-

⁹ Рентгеноспектральный анализ пластин не проводился. Осмотр пластин позволяет предположить, что некоторые из них могли быть изготовлены из низкоуглеродистой стали. Подобные изделия сочетают достаточно высокую прочность с ковкостью и пластичностью [Бобров, Ожередов, 2021. С. 47].

¹⁰ Данная разновидность панцирей была известна в Западной Европе как «бригандина» (англ. *brigandine*, нем. *brigantine*), а среди тюркских народов и на Руси под названием «куяк» (от монг. *хуяг*). Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны [Бобров, Ожередов, 2010. С. 11, 12; Бобров, Зозуля, 2022. С. 121].

Рис. 2. Пластины от панциря из Шушенского района Красноярского края.

Фото Ю. А. Филипповича

Fig. 2. Plates from the shell from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Territory.

Photo by Yu. A. Filippovich

ные отверстия является «наследием» нашивной системы крепления, которая была переделана на заклепочную (см. ниже).

Пластины с шестью большими отверстиями (3 экз.) имеют более крупные размеры (около $6,3 \times 5,5$ см), но меньшую толщину (ок. 0,7 мм) и вес (около 20 г). В составе доспеха они располагались вертикально (рис. 1, 1; 2, 3). Данные пластины первоначально входили в состав панциря с пластинчато-нашивной структурой бронирования. В ходе модернизации защитного покрытия нашивная система крепления была заменена на заклепочную (рис. 2, 3).

Пластины с шестью отверстиями являются одной из основных разновидностей пластин южносибирских «куяков» XIII – середины XIV в. [Бобров, Ожередов, 2021. С. 27–29]. На наш взгляд, их появление в составе *паноплии* народов Сибири, Центральной и Восточной Азии, могло быть связано с эволюцией больших чжурчжэньских (цзиньских) панцирных пластин второй половины XII – первой трети XIII в. [Артемьева, Прокопец, 2012. С. 136, рис. 4, 1–4, 138, 139]. Последние первоначально входили в состав ламеллярных доспехов, однако не исключено, что их поздние варианты могли нашиваться на органическую основу.

Вариант 2. Прямоугольные гладкие пластины с двумя заклепками (19 экз.).

Все пластины с двумя заклепками снабжены дополнительными сквозными отверстиями. Фиксируются пластины с одним (рис. 2, 4), двумя (рис. 2, 5, 6), тремя (рис. 2, 7) и четырьмя (2, 8) отверстиями. По своим пропорциям и размерам пластины серии варьируются от почти подквадратных (рис. 2, 4) до удлинённо-прямоугольных (рис. 2, 5). Толщина пластин колеблется от 0,8 до 1,5 мм, вес – от 27 до 32 г (табл. 1). Большинство пластин серии располагалось вертикально. Назначение мелких одиночных отверстий (рис. 2, 5, 6) достоверно не установлено. Пластины с тремя и четырьмя большими отверстиями (рис. 2, 7, 8) ранее, вероятно, входили в состав пластинчато-нашивного доспеха.

Тип 2. Трапециевидные гладкие пластины (рис. 2, 9, 10). Данная разновидность пластин обычно применялась для бронирования участков доспеха, примыкающих к рукавным проймам [Бобров, Ожередов, 2021. С. 63].

Вариант 1. Трапециевидные гладкие пластины с одной заклепкой (2 экз.).

Представлены парой мелких пластинок, форма которых близка к подтреугольной (рис. 2, 9). Толщина 1–1,4 мм, вес 20 г (см. табл. 1).

По длинной стороне фиксируется след от грубой обрезки. По всей видимости, пластина была вырублена зубилом из другой пластины, первоначально имевшей подквадратную форму.

Вариант 2. Трапециевидные гладкие пластины с двумя заклепками (2 экз.).

Толщина пластин около 1 мм, вес – 36 г. Это значительно более крупные пластины (см. табл. 1), нижний край которых плавно срезан под углом (рис. 2, 10). Срез сделан тщательно и аккуратно, что позволяет предполагать, что подобная форма пластины была задумана мастером изначально, а не дорабатывалась в последний момент (как в предыдущем случае). Интересно, что шляпки заклепок расположены с вогнутой стороны пластин. Одна из пластин снабжена отверстиями (рис. 1, 1), что, возможно, указывает на ее вторичное использование.

Эталонные типы и варианты, а также размеры упомянутых пластин приведены в сводной табл. 1.

Таблица 1. Основные типы панцирных пластин
«Шушенского доспеха»

Пластина	Размеры, см	Толщина, мм	Вес, г	Примечание
Тип 1. Прямоугольные гладкие пластины				
Вариант 1а. Прямоугольные с одной заклепкой (рис. 2, 1) ¹¹	4,8 × 5,2 сверху (5,4 снизу)	1,4	27	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 1б. Прямоугольные с одной заклепкой и одним отверстием (рис. 2, 2) ¹²	5,5 × 6,2 сверху (6,5 снизу)	1,3	38	Слабовыгнута по ширине и длине
Вариант 1в. Прямоугольные с 1 заклепкой и 6 отверстиями, 3 экз. (рис. 2, 3)	6,3 × 5,5	0,7	19	Умеренно выгнута по длине

¹¹ Совокупная численность пластин вариантов 1а и 1б – 22 экз.

¹² В рассматриваемой серии также представлены пластины с одной заклепкой и двумя отверстиями (см. рис. 1, 1).

Вариант 2а. Прямоугольные с 2 заклепками и 1 отверстием (рис. 2, 4) ¹³	6,8 × 6,9 сверху (7,0 снизу)	0,8	27	Значительно выгнута по длине ¹⁴
Вариант 2б. Прямоугольные (удлиненно- прямоугольные) с 2 заклепками и 2 отверстиями (рис. 2, 5)	8,5 × 4,9	1,5	44	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 2б. Прямоугольные с 2 заклепками и 2 отверстиями (рис. 2, 6)	7,9 × 6,0 сверху (5,7 снизу)	1,2	39	Слабо выгнута по ширине и длине
Вариант 2в. Прямоугольные с 2 заклепками и 3 отверстиями, 2 экз. (рис. 2, 7)	7,6 × 6,3	0,9	32	Выгнута по длине (наружу) ¹⁵
Вариант 2г. Прямоугольные с 2 заклепками и 4 отверстиями, 1 экз. (рис. 2, 8)	6,1 × 5,3	1	25	Выраженно вы- гнута по длине и незначи- тельно по ширине
Тип 2. Трапециевидные гладкие пластины				
Вариант 1. Трапециевидные с одной заклепкой, 2 экз. ¹⁶ (рис. 2, 9)	1,2 (верх) × 5,0 (высота) × 5,5 (срез) × 1,5	1 (по краям) – 1,4 (в центре)	20	Слабо выгнута по ширине и длине
Тип 2. Трапециевидные с 2 заклепками, 2 экз. ¹⁷ (рис. 2, 10)	7,4 × 6,8	1,1	36	Слабо выгнуты по ширине и длине (наружу)

¹³ Совокупная численность пластин вариантов 2а, 2б, 2в – 16 экз.

¹⁴ В настоящее время достоверно не установлено, как пластина располагалась в составе доспеха – вертикально или горизонтально.

¹⁵ Нижняя шляпка заклепки разрушена коррозией и обнажает след от тканевой основы доспеха – видно саржевое переплетение тонких нитей. Органическая основа панциря была покрыта тканью тонкой выработки, возможно, шёлком.

¹⁶ Вторая пластина немного крупнее указанной в настоящей таблице.

¹⁷ Вторая трапециевидная пластина имеет также два сквозных отверстия.

Реконструкция

Стоит обратить внимание на тот факт, что система отверстий на наплечниках и пластинах нарукавья из Шушенского района значительно более сложная, чем на центрально- и восточноазиатских нарукавьях конца XIV – XVII в. (рис. 3, 8, 9, 11–15, 17, 21, 22, 25). Она сочетает как ламинарно-ременную (или пластинчато-нашивную), так и пластинчато-клепаную систему соединения. Это позволяет предположить два основных варианта реконструкции первоначального вида «шушенских» нарукавий.

Согласно первому, нарукавья были изначально снабжены подобной комбинированной системой соединения защитных элементов. Как и на более поздних *бифу* и *харабчи*, пластины «шушенских» нарукавий приклепывались на длинные продольные ремни, проходившие по внутренней стороне нарукавий от наплечника к самой дальней локтевой пластине. Судя по характерному расположению заклепок в три ряда (рис. 3, 2–7), пластины «шушенских» нарукавий крепились на три кожаных ремня, как и пластины несколько более поздних нарукавий из Ийи-Кулак в Тыве (рис. 3, 9). При этом парные и одинарные сквозные отверстия использовались для пришивания органической подкладки и (или) окантовки панцирных сегментов, а также, возможно, для дополнительного крепления защитных элементов между собой¹⁸ и корпусным доспехом.

Согласно второй версии, система крепления пластин была модернизирована в период эксплуатации нарукавий. Первоначально для соединения пластин использовались кожаные ремешки, которые продевались в сквозные отверстия и стягивали отдельные сегменты вместе, формируя из них единую защитную лопасть. Подобный способ соединения полос металла и твердой кожи применялся при изготовлении классических ламинарных доспехов развитого Средневековья. Собранный подобным способом нарукавье отличалось от ламинарного наплечника не системой крепления, а меньшими размерами и большим изгибом составляющих ее элементов, что придавало защитной лопасти необходимую компактность. Не исключено также, что при сборке нарукавья применялся не ламинарный, а пластинчато-нашивной или комбинированный принцип соединения защитных элементов. В этом случае пластины не стягивались ремешками не-

¹⁸ Например, для пришивания к органической подкладке, как на минских нарукавьях *бифу*.

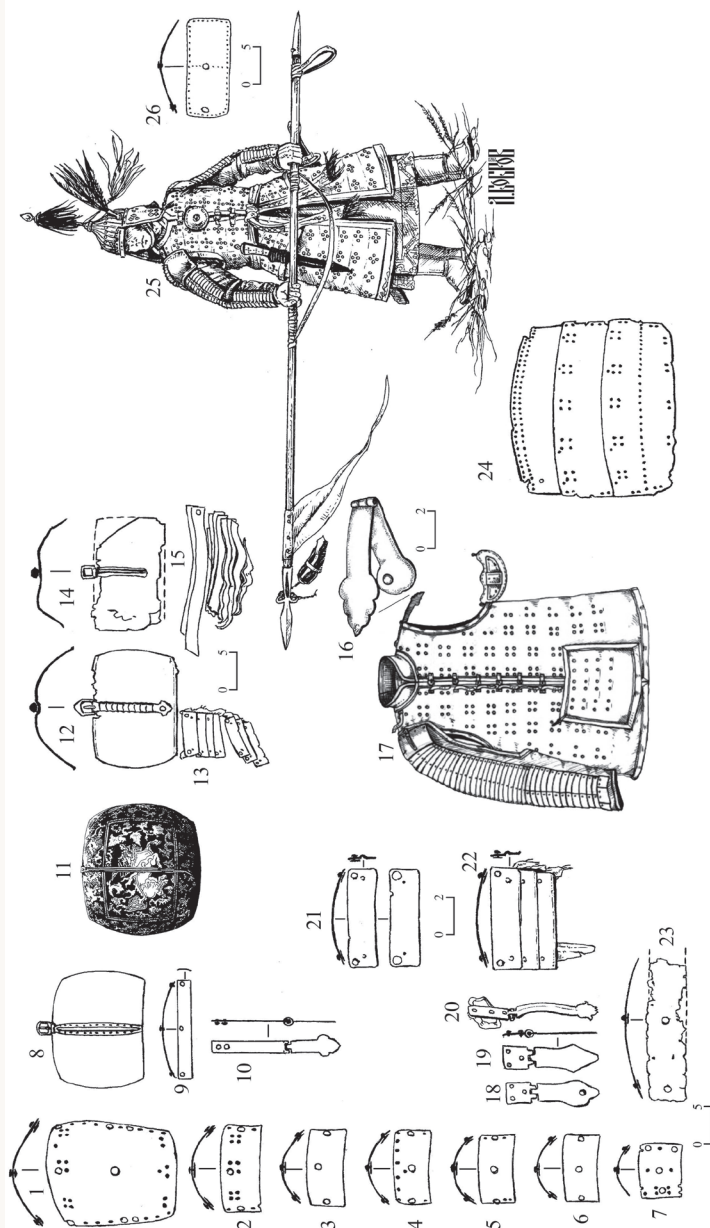

Рис. 3. Нарукavia-харабчи и иные защитные элементы с территории Южной Сибири (1–10, 22, 26), Центральной Азии (11–21) и Восточной Европы XIV–XVII вв.: 1–7 – нарукavia из Шушенского р-на Красноярского края, XIV – середина XV в.; 8–10 – нарукavia из Ийи-Кулак, Тува, конец XIV (?) – XVI в.; 11 – наплечник и пластина нарукavia из Западной Монголии, вторая половина XV – XVII в., Ховдский краеведческий музей; 14–17 – наплечник (14), пластина (15), «погончик» (16) и реконструкция доспеха из буддийского монастыря Сардаг в Северной Монголии, XVII в. (до 1687 г.); 18, 19 – «потончики» от центральноазиатского (обратного?) доспеха, XVIII – середина XVIII в., МАЭС ТГУ; 20 – «погончик» от монгольского доспеха конца XVIII – XVIII в., НММИ; 21 – пластина от нарукavia, случайная находка, Юго-Восточный Казахстан, XVII в.; 22 – фрагмент пластинчатого нарукavia, случайная находка, Республика Хакасия, XVII в.; 23 – железная пластина из Новгорода, вторая половина XIV в.; 24 – железная ламинарная лопасть, вторая половина XIV – первая половина XV в., Саратовский краеведческий музей; 25 – реконструкция ойратского воина XVII в. в панцире с нарукaviaми-харабчи; 26 – бронзовая пластина от нарукavia (?) с Абаканского железного рудника, XV в. 1–10, 12–15, 18–26 – рис. Л.А. Боброва (14, 15 – прорисовка с рисунка Б. Батзожа, 16 – прорисовка с рисунка Я.И. Сундугашева); 11 – рисунок М.В. Горелика; 16, 17 – по: Battsooj, 2019.

Fig. 3. Plate bracers *kharabchi* and other details of armor from the territory of Southern Siberia (1–10, 22, 26), Central Asia (11–21), and Eastern Europe of the XIV–XVII centuries: 1–7 – plate bracers from the Shushensky district of the Krasnoyarsk Territory, 14 – mid-15th century; 8–10 – plate bracers from Iyi-Kulak, Tuva, end of 14 (?) – 16th century; 11 – shoulder sleeve, the second half of the 14th (?) – 16th century, the Metropolitan Museum of Art; 12, 13 – shoulder and sleeve plates from Western Mongolia, the second half of the 15th – 17th centuries, the Khovda Museum of Local Lore; 14–17 – shoulder pad (14), plates (15), hinge plate – «shoulder strap» (16) and reconstruction of armor with armbraces from the Buddhist monastery of Sardag in Northern Mongolia, 17th century (before 1687); 18, 19 – hinge plate («shoulder straps») from the Central Asian (Oirat?) armor, 17th – mid-18th century, MAES TSU; 20 – hinge plate («shoulder strap») from the Mongolian armor of the late 17th – 18th century, NMMI; 21 – a plate from an armbrace, an accidental find, Southeastern Kazakhstan, XVII century; 22 – a fragment of a plate armbrace, an accidental find, the Republic of Khakassia, 17th century; 23 – iron plate from Novgorod, the second half of the 14th century; 24 – fragment of iron laminar armor, the second half of the 14th – the first half of the 15th centuries, Saratov Museum of Local Lore; 25 – reconstruction of the 17th century Oirat warrior armor with armbraces-kharabchi; 26 – bronze plate from the armbrace (?) from the Abakan iron mine, 14 – the first half (?) of the 15th century. 1–10, 12–15, 18–26 – fig. L.A. Bobrov (14, 15 – drawing from fig. B. Batsoja, 26 – drawing from fig. Ya.I. Sundugasheva); 11 – fig. M.V. Gorelik; 16, 17 – by Battsooj, 2019.

посредственно между собой, а пришивались к продольным ремням или иной органической основе, выполнявшей функции подкладки¹⁹.

Позднее конструкция нарукавий была модернизирована. Защитная сегментная лопасть была пересобрана, соединительные ремешки удалены, а пластины наклепали на длинные продольные ремни. При этом оставшиеся пустыми отверстия либо перестали применять по назначению, либо продолжали использовать для крепления органических элементов (матерчатой подкладки, окантовки и т.д.). Вероятно, в рамках модернизации системы крепления нарукавий часть пластин была заменена новыми, которые уже не имели отверстий для пришивания (рис. 1, 9, 10; 3, 3, 6)²⁰.

Косвенным свидетельством в пользу последней версии является оформление панцирных пластин корпусного доспеха. Часть из них были подвергнуты переделке путем замены нашивной системы крепления на заклепочную. Для этой цели в плоскость пластин (в некоторых случаях прямо поверх парных сквозных отверстий, предназначенных для пришивания пластин к органической основе доспеха), были пробиты железные заклепки с уплощенными округлыми шляпками (рис. 1, 1; 2, 3, 7, 8).

Что касается покроя фрагмента панциря (в том случае, если мы имеем дело не с оружейным «кладом»), то, как уже отмечалось выше, он мог представлять собой нагрудник, наспинник или, менее вероятно, отдельно надевавшиеся набедренники. Судя по более поздним пластинчато-клепаным доспехам, пластины с обрезанным нижним углом обычно располагались вдоль вырезов органической основы, например в верхней части рукавных пройм [Бобров, Ожередов,

¹⁹ О возможности применения железных ламинарных элементов без заклепочного соединения свидетельствует ламинарная лопасть из собрания Саратовского краеведческого музея (СКМ, инв. № СКМ 8784) (рис. 3, 24). Согласно Д. С. Коровкину: «Во многих отверстиях сохранились остатки плетеного нитяного шнура (предположительно шелк) зеленого цвета» [Коровкин, 2005. С. 239], при этом четыре металлические заклепки, пробитые в верхней пластине панцирного сегмента, являются следами ремонта, в результате которого верхняя пластина «...была неподвижно соединена с центральной пластиной...» [Коровкин, 2005. С. 239, 240]. Стоит обратить внимание на тот факт, что принцип размещения отверстий на пластинах из СКМ (рис. 3, 24) весьма близок системе расположения отверстий на наплечнике и некоторых пластинах нарукавья из Шушенского района Красноярского края (рис. 1, 4–6; 3, 1–7). Представляется вероятным, что указанные защитные элементы были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции.

²⁰ Не исключено, что при сборке нарукавья некоторые пластины были вырезаны из более крупных железных сегментов, что объясняет повреждение отверстий по краям пластин (рис. 1, 11, 12; 3, 7).

2021. С. 52, рис. 18, 3–5, 63, 64, рис. 29]. Пластины прямоугольной формы составляли основу защитного покрытия.

Авторы настоящей работы выражают надежду, что предметная реконструкция нарукавий и фрагмента пластинчато-клепаного панциря позволит уточнить особенности их конструкции и эксплуатации.

Датировка и атрибуция

Нарукавья и панцирные пластины из Шушенского района Красноярского края могут быть датированы и атрибутированы на основе типологического анализа.

Сопоставление «шушенского» наплечника с его центральноазиатскими и южносибирскими аналогами конца XIV – XVII в. показало, что его конструкция и система оформления значительно более архаичны. Так, в частности, на нем отсутствует характерное накладное ребро с пряжкой на конце, которое присутствует на всех остальных наплечниках серии (рис. 3, 8, 11, 12, 14). С помощью этой пряжки наплечники крепились к специальным шарнирным «погончикам», соединявшим нарукавье с корпусным панцирем (рис. 3, 10, 16–20, 25). Система соединения рассматриваемого наплечника с доспехом, очевидно, была иной. Отметим, что по сравнению с другими центральноазиатскими и южносибирскими наплечниками «шушенский» экземпляр имеет более крупные размеры, несколько иную форму, а также, как уже отмечалось выше, дополнительные отверстия для ремешков (рис. 3, 1, 8, 11, 12, 14). Все это позволяет предположить, что он был изготовлен ранее других наплечников рассматриваемой серии.

Ближайшими аналогами пластин «шушенского» нарукавья являются бронзовые пластины с Абаканского железного рудника (Республика Хакасия), датируемые XIV–XV вв. (рис. 3, 26), а также железная пластина из Неревского раскопа в Новгороде середины – второй половины XIV в. (рис. 3, 23) [Сунчугашев, 1979. С. 134; Каменский, Кулешов, 2014. С. 168]²¹. От пластин нарукавий более позднего вре-

²¹ Тема применения панцирных нарукавий воинами Восточной Европы и Северного Кавказа XIII–XV вв. выходит за рамки настоящего исследования. Однако некоторые находки защитного вооружения, происходящие с данных территорий, действительно могли относиться к различным разновидностям панцирных нарукавий [Каменский, Кулешов, 2014. С. 164, 166–170, 181, рис. 20, 23]. Так, например, пластина из Новгорода (рис. 3, 23), по своему оформлению, ширине и расположению заклепок весьма близка своим шушенским аналогам, хотя и отличается от них значительно большей длиной (18,2 и 13,3 см соответственно). Она могла относиться не только к нарукавьям, но и к набедренникам, панцирному «переднику» или «накрестнику». Данный вопрос требует дополнительного изучения.

мени они отличаются значительно большими размерами (рис. 3, 2–7, 9, 13, 15, 17, 21–23, 25, 26). Стилистически к пластинам «шушенских» нарукавий примыкает защитный элемент из Саратовского краеведческого музея (рис. 3, 24), датируемый второй половиной XIV – первой половиной XV в. [Коровкин, 2005. С. 240].

Самой ранней разновидностью панцирных пластин из Шушенского района Красноярского края являются образцы с тремя, четырьмя и шестью большими сквозными отверстиями для пришивания к органической основе (рис. 2, 3, 7, 8). Нижняя хронологическая граница появления подобных пластин в Южной Сибири является предметом научной дискуссии [Худяков, 1997. С. 21]. Однако в XIII в. подобные пластины уже активно использовались воинами региона. В ходе замещения нашивной системы крепления на более эффективную заклепочную ранние типы «куячных» пластин подверглись модернизации, в ходе которой заклепки нередко вбивались прямо поверх отверстий для пришивания. Подобные переделанные пластины, происходящие с территории Южной Сибири, обычно датируют XIV–XV вв.

Отмеченная верхняя хронологическая граница косвенно подтверждается находкой пластинчато-клепаного панциря в тимуридской Шахрухие [Двуреченский и др., 2021]. По своей конструкции, размерам и оформлению пластины из Шахрухии близки своим аналогам из Шушенского района Красноярского края²². Здесь можно наблюдать как гладкие слабовыпуклые прямоугольные пластины с двумя заклепками, так и модернизированные пластины с шестью отверстиями и заклепками [Двуреченский и др., 2021. С. 255–259]. «Куяк» из Шахрухии надежно датируется XV в. [Двуреченский и др., 2021. С. 253, 254, 260].

Таким образом, на основании особенностей оформления пластин панциря и нарукавий защитное вооружение из Шушенского района Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. В то же время необходимо подчеркнуть, что панцирные пластины с ремennым соединением могли быть изготовлены ранее указанной даты, еще в XIII в. Позднее доспех был пересобран, при этом ремennая система крепления пластин к органической основе была заменена на заклепочную. Не исключено, что та же процедура была проделана и в отношении нарукавий. В таком модернизированном виде они могли применяться вплоть до второй половины XV в., а возможно, и позднее.

²² Главное отличие заключается в том, что у «шушенских» пластин заклепки прибиты примерно по центру пластины, а у их несколько более крупных аналогов из Шахрухии – у длинного края.

Выводы

Изучение предметов защитного вооружения, происходящих из числа случайных находок с территории Шушенского района Красноярского края, позволило атрибутировать их как сегментные панцирные нарукавья (монг. *харабчи*) и фрагмент доспеха с пластинчато-клепаной структурой бронирования («куяк»).

В ходе исследования было установлено, что «шушенские» панцирные нарукавья являются самыми ранними известными на сегодняшний день образцами позднесредневековых центральноазиатских нарукавий-*харабчи*. От позднейших аналогов они отличаются более крупными размерами наплечников и пластин, особенностями конструкции и системы оформления. Наряду с традиционными заклепками для крепления продольных кожаных ремней на наплечнике и пластинах нарукавий фиксируются многочисленные дополнительные отверстия. Последние могли служить как для крепления подкладки и (или) органической окантовки, так и для соединения пластин между собой при помощи кожаных ремешков (то есть ламинарным способом). В собранном виде «шушенские» нарукавья прикрывали руку воина от плеча до локтя.

Найденные вместе с нарукавьями пластины корпусного панциря, вероятно, формировали защитное покрытие нагрудника, наспинника или, менее вероятно, набедренников с пластинчато-клепаной структурой бронирования. Пластины крепились к органической основе доспеха с внутренней стороны таким образом, что постороннему наблюдателю были видны лишь шляпки заклепок на органической «покрышке» панциря. Часть пластин имеют отверстия для пришивания к органической основе. Позднее нашивная система была заменена на технологически более совершенную – заклепочную. Панцирь был пересобран и дополнен пластинами с заклепками, уже не имевшими отверстий для пришивания. Не исключено, что подобной модернизации подверглись и панцирные нарукавья.

На основании типологического анализа защитное вооружение из Шушенского района Красноярского края может быть датировано XIV – серединой XV в. Не исключено, что панцирные пластины с шестью большими отверстиями для пришивания к органической основе были выкованы еще в XIII в. В модернизированном виде доспех мог применяться вплоть до второй половины XV в. включительно.

Учитывая место обнаружения рассматриваемых образцов защитного вооружения, заказчиком и владельцем подобного панцирного

комплекса, вероятно, являлся состоятельный воин из числа монголов, ойратов, енисейских кыргызов или их соседей указанного периода.

Особую научную ценность находке придает тот факт, что благодаря ей удалось впервые проследить начальные этапы эволюции позднесредневековых нарукавий-*харабчи* (кит. *бифу*, *бицоу*), которые в период развитого и позднего Средневековья завоюют известную популярность на мусульманском Востоке, континентальной Восточной Азии и будут продолжать применяться панцирниками Монголии, Ойратии и Южной Сибири вплоть до XVIII в.

Список литературы

Артемьева Н. Г., Прокопец С. Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // Российская археология. 2012. № 1. С. 129–142.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. Т. III, вып. 1. С. 7–64.

Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: НГУ, 2021. 228 с.

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 115–130.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.

Двуреченский О. В., Гладченков А. А., Арипджанов О. Ю., Двуреченская Н. Д. Доспех из городища Шахрухия // Краткие сообщения Ин-та археологии. 2021. Вып. 263. С. 253–262.

Каменский А. Н., Кулешов Ю. А. Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Военная археология: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при Гос. Ист. музее. Вып. 3. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 147–183.

Коровкин Д. С. Комплекс вооружения из погребения кочевника, обнаруженного на восточном берегу озера Сарайдин, в местности Бек-Бике // Вестн. мол. ученых. Сер.: ист. науки. 2003. № 1. С. 49–54.

Коровкин Д. С. Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XV вв. //

Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: ООО РИФ «Инфра», 2005. С. 235–243.

Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 192 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.

Battsooj B. Weapons discovered in the monastery of Sar'dag // Sar'dag monastery. Monastery of Bogdo Zanabazar works: historical and archaeological research. Ulaanbaatar, 2019. P. 317–346. (In Mong.).

References

Artemyeva N. G., Prokopets S. D. Zashchitnoe vooruzhenie chzhurchzhen'skogo voina. *Russian archaeology*. No. 1, 2012. pp. 129–142. (In Russ.).

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Pozdnesrednevekovyj pancir'-«halat» voina-buddista (Iz istorii «oruzhejnogo» sobraniya MAES TGU). In: *Materialy i issledovaniya Drevnej, Srednevekovoj i Novoj istorii Severnoj i Central'noj Azii*. Tomsk: Tomsk State University, 2010, vol. 3, is. 1. pp. 7–64. (In Russ.).

Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Dospekh voina Dzhamsharana. Central'noaziatskij pancir'-«kuyak» iz sobraniya MAES TGU. Novosibirsk: CPI NSU, 2021, 228 p. (In Russ.).

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Pancirnye plastiny iz raskopok V. V. Radlova v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, № 5, pp. 115–130. (In Russ.).

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv.: Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. M.: Vost. Gorizont Publ., 2002, 84 p. (In Russ.).

Dvurechensky O. V., Gladchenkov A. A., Aripdzhanov O. Yu., Dvurechenskaya N. D. Dospekh iz gorodishcha SHahruhiya. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*, iss. 263, 2021. pp. 253–262. (In Russ.).

Kamensky A. N., Kuleshov Yu. A. Zashchita konechnostej v komplekse vooruzheniya drevnerusskogo voina (po materialam Velikogo Novgoroda). In: *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaya arheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*. Iss. 3. Moscow: MediaMir; Tula: Kulikovo Field, 2014. pp. 147–183 (In Russ.).

Korovkin D. S. Kompleks vooruzheniya iz pogrebeniya kochevnika, obnaryzhenno na vostochnom beregu ozera Sarajdin, v mestnosti Bek-Bike. *Bulletin of Young Scientists. Series: Historical Sciences*. 2003, No. 1. pp. 49–54 (In Russ.).

Korovkin D. S. Elementy laminarnoj konstrukcii v zashchitnom snaryazhenii kochevnikov vostochnoevropejskikh stepej v XIII–XV vv. In: Kulikovo pole i YUgo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vv. Tula: RIF Infra LLC, 2005. pp. 235–243. (In Russ.).

Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie kochevnikov YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v epohu razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk : Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 1997. 159 p. (In Russ.).

Sunchugashev Ya. I. Drevnyaya metallurgiya Hakasii. Epoha zheleza. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1979. 192 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию

Received

12.05.2023 г.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; spsml@mail.ru).

Филиппович Юрий Александрович, главный инженер научно-исследовательского проекта «С сибирским воином через века», Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; post-ost@yandex.ru).

Filippovich Yuri Alexandrovich, Chief Engineer of the research project «With the Siberian Warrior through the Centuries», Novosibirsk State University (Pirogova Street, 1, Novosibirsk, 630090, Russia; post-ost@yandex.ru).